

Жестокая красotka

Автор:

Владимир Колычев

Жестокая красotka

Владимир Григорьевич Колычев

Колычев. Любовь зла и коварна

Впервые в жизни бандитское чутье подвело Прохора Кожухова. Короткое развлечение со случайной знакомой оказалось частью коварного плана конкурентов по устранению несговорчивого авторитета. И загредел Прохор на нары за преступление, которого не совершал. Но не в его правилах сдаваться. Он из всех сил стремится выйти на свободу и решить свои проблемы: разобраться с женой, имеющей виды на его бизнес, собрать разбежавшихся подельников и найти того, кто упрятал его за решетку... Невдомек бывалому вору в законе, что его нынешние беды – отголосок одной давней измены, разбившей союз двух влюбленных...

Владимир Григорьевич Колычев

Жестокая красotka

© Колычев В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Часть первая

Глава 1

Пистолет – голова, пуля – мысль. Выбрал цель, направил в нее мысль, нажал на спуск, и пуля в «десятке». Тут же рядом ложится вторая, третья... Прохор едва ощущал тяжесть оружия в руке. Человек не чувствует, как сердце бьется в груди, а оно гонит кровь, поддерживает жизнь. Так и пистолет бился в его руке. Но не поддерживал, а разрушал чьи-то воображаемые жизни.

Прохор работал по мишеням в стрелковом тире. Но ему приходилось убивать и по-настоящему. Вспоминать об этом не хотелось. А ведь было... Десять лет уже прошло с тех пор, как он попал в переплет, из которого пришлось выходить с боем. Если бы не армия, если бы не подготовка, он бы погиб от первой же нацеленной в него пули...

Сейчас в его жизни очередное затишье, но светлая полоса в любой момент может стать черной. И тогда «зебра» помчится галопом – по ухабам, через овраги, с тающимися в них волками, только успевай подпрыгивать...

Затворная рама остановилась в заднем положении. Можно вставлять новую обойму, возвращать затвор на место и продолжать. Но на сегодня уже хватит. Наушники лишними сложно назвать, но голова все равно гудит. И от дымного пороха щиплет глаза. Хорошего понемногу.

Магазин Прохор все же сменил, пистолет же оставил в руке, снял наушники и сразу услышал женский голос:

– Да я всего лишь один разок!

Он повернул голову и увидел уже не юную, но еще не перезрелую блондинку с ясными янтарными глазами. Каре с челкой, высокие скулы, изящный носик, чувственный рот. Эластичная футболка волнующе обтягивала небольшой, но роскошной формы бюст, черные легинсы плотно облегли длинные стройные

ноги. Она глуповато улыбалась, выставляя напоказ ровные, отбеленные зубы. А пистолет в ее руках смотрелся так нелепо, что Прохор обратил на него внимание в последнюю очередь. Хотя и привел себя в боевую готовность. Если блондинку вдруг угораздит навести на него ствол, он не позволит ей выстрелить.

Напрягся и Троха, начальник его охраны.

– Куда разок? Сейчас нельзя! – подскочил к блондинке Алик, смотритель тира, и грубо вырвал из рук пистолет.

Она шарахнулась от него с таким видом, будто он собирался ее ударить.

– Кто такая? – спросил Прохор, обращаясь к нему.

– Так это... Сестра моя... Мила.

– Какая я тебе сестра?! – возмущенно глянула на Алика красotka и повторила: – Я тебе никакая не сестра!

– Давай в будку! – разозлился он и, виновато глянув на Прохора, развел руками.

– Я тебе не собака! – вскинулась блондинка.

– Зачем так грубо с девушкой? – тяжело посмотрел на Алика Прохор.

– Ну, она сама виновата...

– В чем?

– Ну, выскочила тут, как черт из табакерки... – Алик взглядом показал на дверь в свою каморку и тут же кивнул на пистолет, который забрал у Милы. – С помелом.

– Он меня еще и ведьмой обозвал! – Блондинка хотела еще что-то сказать в его адрес, но промолчала. Капризно выпятив нижнюю губу и всхлипнув, она направилась к его каморке. Походка вялая, угнетенная, но и при этом в ее движениях четко просматривалась женская грация.

– Кто такая? – спросил Прохор, когда за Милой закрылась дверь.

– Да так, приبلудная...

– В смысле?

– Да жить негде...

– Не понял...

– Да к отцу приехала, а он ее и знать не хочет. Ей четыре года было, когда отец из семьи ушел. У него уже давно другая семья. Мила ему как не родная...

– В дом не пускает?

– Ну, не то чтобы... Напряжно ей там, а у меня здесь жить можно. – Алик пожал плечами, сомневаясь в том, что тир – подходящая обитель для красивой женщины.

– Так домой к себе заberi.

– Забрал бы... – Алик озадаченно поскреб затылок. – Но у меня семья, да и жена вроде бы на сносях.

– Квартиру сними.

– На какие шиши?

– Отдай на попечение.

– Кому?

Прохор не ответил, но дал понять взглядом.

– Да я не против! – Скрестив на груди руки, Алик порывисто развел ими в стороны.

– Без обид?

– Ну, если она согласна... Пойти спросить?

Прохор качнул головой и сам двинулся к каморке.

Мила лежала на кушетке, уставившись в потолок, и даже не глянула на вошедшего.

– Поехали со мной, – натянуто улыбнувшись, произнес Прохор. – У меня есть квартира, ты можешь там поселиться.

– Если я скажу «нет», ты подумаешь, что я ломаюсь?

Прохор кивнул и улыбнулся уже открыто:

– Не бойся, не обижу.

Мила поднялась, взяла сумочку, осмотрелась, задержала взгляд на женском халате, переброшенном через спинку стула. И сумочка потрепанная, и халат старый, возможно, с чужого плеча.

– Куплю все, что скажешь.

– Ну, хорошо... – направились она к двери, качая бедрами.

Прохор привез Милу в квартиру, предназначавшуюся для любовниц, которые у него время от времени появлялись. И даже задерживались. С одной он прожил даже три года. Втайне от жены. Рита жила в этой квартире полтора года, Юля чуть меньше... Последнее время квартира практически пустовала. То ли стареть Прохор стал, то ли его женщинам не требовалась жилплощадь. Так, захаживал с ними сюда на часок-другой...

– И твоя жена не прогонит? – подозрительно глядя на него, спросила Мила.

– Тебя прогонит, меня нет... – качнул он головой.

Инна любила его беззаветно. И с самого начала их жизни закрывала глаза на его похождения. Знала, что Прохор не может ответить ей взаимностью, потому и терпела.

Не любил он жену, просто вынужден был жить с ней. Потом появилась привычка, затем ребенок, второй. И даже третий... Инна рожала с перерывом в один год, наплодила ему на радость семейной жизни. Любовью он к ней так и не воспылал, но по дому скучал.

– Что, и сцены ревности не будет? – усмехнулась Мила.

– Будет. Но потом.

Инна умела делать лицо на людях и держать паузу. И сцены ревности были, но без свидетелей. Однажды, правда, она пообещала убить соперницу на глазах у толпы. Сначала пристрелила подлеца, который собирался убить Прохора, а затем наехала на Лиду. Во-первых, она была не в себе, а во-вторых, Лида – особый случай. Прохор имел возможность разлучить свою любимую с мужем и жениться на ней, но делать этого не стал. Да что уж там, он мог просто убить Егора. Вернее, добить. И этим окончательно отомстить ему за свое поражение...

Одиннадцать лет назад все это было. Он вернулся домой из армии, Лида встретила его на вокзале, но появился Егор, за которого, как оказалось, она собиралась выйти замуж. Это был какой-то кошмар. Вслед за которым грянула другая беда.

Прохор оказался не в тот час не в том месте, стал свидетелем бандитских разборок. Его собирались убить на месте, но ситуация вдруг резко изменилась, и Прохору пришлось отбиваться от других бандитов. И так закрутилась тогда карусель, только успевай трупы закапывать...

Через год эта же карусель забросила его на место бандитского пахана. Он оказался в немилости у Афоныча, и тот объявил на него охоту. Но Прохор отказался быть жертвой, и Афоныч сам стал добычей. Прохор сначала объявил его «крысой», а затем застрелил как собаку. А с Завхозом он расправился в честном поединке – на глазах у братвы.

Не смог он в свое время справиться с бандитским движением, зато удалось возглавить его. С тех пор он в теме.

А Лида уехала с мужем. В Москве они, там у них свой бизнес. Прохор собирался ехать за ней, но как-то не сложилось. То одно, то другое... А со временем душевная рана стала затягиваться...

– Терпеть не могу сцены ревности, – вздохнула Мила, – но тебя ведь это не интересует, и вообще не интересует, чем и как я живу...

– Ты живешь с отцом.

– У Алика узнал? Значит, все-таки интересно, – улыбнулась она.

– А сама откуда?

– Ну, не скажу, что из деревни. Хотя и городом наше село не назовешь... Но село большое... Зато я знаю, кто ты такой.

– И кто я?

– Алик мне все уши прожужжал. Прохор то, Прохор се...

– А что конкретно?

– Стреляешь ты очень хорошо. И быстро... Может, я тоже так хочу?

– Зачем тебе?

– Уже незачем... Думаешь, я просто так за пистолет схватилась... Я тебя завлекала...

– Ты могла бы просто сказать, что хочешь меня, – усмехнулся он.

– Да, это было бы не так глупо... Ты ведь смотришь на меня, как на дуру.

– Я смотрю на тебя как на русалку... э-э... – Прохор на мгновение задумался. – С которой хочу счистить чешую.

– Ну, если нож острый... – Мила бросила на него многозначительный взгляд. – Острый... Я не знаю, как ты стреляешь, но заряжаешь быстро...

Прохор кивнул, с вождением глядя на нее. Не всякая женщина вдохновляет, а с Милой в этом плане, кажется, все «хоккей»...

Женщина должна быть худенькой, стройной, изящной. И даже хрупкой. Во всяком случае, Прохор всерьез так считал. Именно таких женщин он и выбирал. Но Инна склоняла его к другому мнению. Она и в ранней молодости была девушкой, что называется, в теле. И сейчас такая же. Но тело у нее сбитое, упругое, целлюлита нет и в помине. И в купальнике она смотрелась очень даже ничего. Грудь высокая, живот не отвисает, кожа такая же нежная и гладкая... Может, и не питает Прохор к ней страсти, но в постель с ней ложиться совсем не противно. И как она выходит из бассейна, посмотреть приятно...

Обычно по утрам они плавали вместе, но сегодня он слегка припозднился. Боксерской грушей увлекся. Представил на ее месте Вагнера и замечтался. До сих пор кулаки гудят.

– Поплаваем? – спросил он.

– Да, конечно.

Прохор нырнул, и жена покорно присоединилась к нему. Бассейн у них не самый большой, но десяти метров в одну сторону им вполне хватает. А детям тем более. Они сейчас уже просыпаются. Старший Данилка бассейн терпеть не может, зато Мишку из воды не выгонишь. И Танюшка с ним в купальном павильоне частый гость.

– Сегодня с Вагнером разговор будет, – сказал он.

– Ты с ним поосторожней. Из себя не выходи.

– Да уж постараюсь.

Прохор помнил те времена, когда основными фигурами на шахматной доске были Вагнер, Михей и Афоныч. Михей наехал на Афоныча, Прохор помог отбить нападение, закрутилось, завертелось. Михей напирал, Пушкарь получил на него отмашку и взял с собой Прохора. Не было у него тогда другого выхода, как идти на дело. «Сделали» они тогда Михея. Пушкарь забросил гранату в его бронированный «Мерседес» через открытую дверь. Хоть бы одно стекло вылетело...

Владения Михея тогда поделили между собой Вагнер и Афоныч. А через год место Афоныча занял сам Прохор. Вагнер считал его выскочкой, но бросить ему вызов не рискнул. Все ждал, когда братва отвернется от него и команда начнет дробиться на мелкие части. Но Прохор крепко взял штурвал в свои руки. А сейчас он уже вовсе не молод. Тридцать два года как-никак. И возраст, и опыт, а главное, авторитет...

Времена, правда, уже не те. Менты всю диктуют свои правила, и с ними невозможно не считаться. На прошлое они еще закрывают глаза, а с настоящим мириться не хотят, и пацанов, если вдруг что, «принимают» за милую душу. И уже не подъедешь к начальнику ГУВД, не похлопаешь его панибратски по плечу. Хочешь делать дела – живи по закону... Впрочем, Прохор беспредел никогда не жаловал. И его пацаны давно уже не «быкуют» на людях, выбрасывая пальцы веером. И зубы не крошат кому ни попадя... Да и чего им кочевряжиться? Они все люди взрослые, степенные, семейные. И все при делах – при бизнесе, с которого они и кормятся...

У Вагнера все то же самое. Он и сам старается не плевать на закон, и пацанам своим не позволяет. Но это касается улицы, а в бизнесе – там, конечно же, много чего противоправного. Да и Прохор в этом плане далеко не святой...

Деньги любят тишину. По этому принципу они с Вагнером и стараются жить. Но деньги – не дети, появляющиеся от любви, их рождает прибавочная стоимость, которую дает бизнес. А в бизнесе правила соблюдать сложно... Не должен был Вагнер брать контракт с городской администрацией на благоустройство Советского проспекта, потому как это территория Прохора, но нет, влез в это дело с головой. А под это дело деньги выделили очень серьезные... И если бы это был первый «косяк» с его стороны.

– Он может не уступить, – сказала Инна.

– Если не нажму, не уступит.

– Сильно не дави. Но дай понять, что в следующий раз спуска не будет.

– В следующий раз?

– Не отдаст он тебе этот проект. Вагнер в это дело уже столько всего вложил... Мы больше потеряем, чем найдем, так что сильно не дави, это лишнее. Но на будущее дай понять. Еще раз перейдет границу, пусть пеняет на себя.

Проход кивнул, соглашаясь с ней. Вагнера иногда заносит, но в целом он, как ни крути, мужик покладистый, так что палку лучше не перегибать, иначе как бы в разговоре с ним не рвануло... Хотя Проход давно привык к мысли, что может умереть в любой момент...

Глава 2

Весна в этом году наступила рано, солнце в марте жарило уже вовсю, народ на маевку ездил толпами. Зато в мае в самую пору было праздновать Восьмое марта или даже Двадцать третье февраля.

– Лето в этом году обещает быть малоснежным, – сказал, поживаясь, Вагнер.

Конец мая, а столбик термометра дрожит от холода под отметкой где-то ниже десяти градусов. А утром крупа с неба просыпалась. Но Вагнер намекал не столько на погоду, сколько на их с Проходом отношения. Если не зима в них, то как минимум поздняя осень.

– Главное, чтобы было.

– Да будет... И солнце будет.

- И на Советском проспекте народ гулять будет.
- Ко Дню города управлюсь, - не моргнув глазом, кивнул Вагнер.
- А если вдруг ночью плитку снимут?
- Ты этого не сделаешь.
- Я - нет, а кто-то - может.
- Это не твой проект.
- Это моя территория.
- Мне предложили, я не смог отказаться.
- Ты должен был спросить у меня.
- Зачем, если ты приходишь сам?
- Нарываешься! - внутренне напрягся Прохор.

Вагнер долго думал, пытаясь что-то рассмотреть сквозь туман в его глазах.

- Давай решим вопрос, - наконец сказал он.
- Как?
- Ты даешь «добро», и мы расходимся.
- Это не мы расходимся, это ты идешь, куда я пошлю.
- Теперь ты нарываешься, - хищно усмехнулся Вагнер.
- Нарываюсь, - кивнул Прохор, неподвижно глядя на него.

– Из-за какой-то байдды будем ссориться?

– Это не байда. Это нарушенный договор... Будем воевать.

– Вот прямо сейчас и начнем? – Вагнер все еще пытался свести разговор к шутке.

Но Прохор вдруг повел плечом, как будто собирался сунуть руку под куртку, где у него находился пистолет, и Вагнер вдруг пугливо дернулся, удивленно глянул на Прохора. Он удивлялся самому себе. Ведь не робкого десятка, может, просто нервы ни к черту? Сорок восемь лет уже как-никак.

– Прямо сейчас и начнем.

– Что ты предлагаешь?

– Будем работать по этому проекту вместе.

– Исключено! – возразил Вагнер. Он уже сумел взять себя в руки. Если достать сейчас пистолет и приставить к его голове, он даже не моргнет со страха. Потому что всерьез настроил себя на реальное противостояние.

– Тогда заключим новый договор... На прежних условиях, но с новой оговоркой. Если ты нарушаешь условие, мы сходимся раз на раз. На этом самом месте. Без свиты. Ты меня понимаешь? – Прохор в упор смотрел на Вагнера. – Можно прямо сейчас.

Вагнер ухмыльнулся, давая понять, что его не напугать. Но взгляд поплыл, и плечи опустились. Он, конечно, крутой мужик, но поединок против Прохора ему не потянуть. И хорошо, что он это понимал.

– Мне бы твои годы...

– Мне бы твою наглость.

– Могу занять.

– Меняемся. Мои мозги на твою наглость. Кому чего не хватает...

– Хочешь раз на раз?.. – вскипел Вагнер. – Будет!.. В следующий раз!..

– Договор принят?

– Да. И ты об этом пожалеешь!

Вагнер уходил с таким видом, как будто последнее слово осталось за ним. На самом деле он все сказал. И Прохор его понял. Не будет никаких «раз на раз». Потому что не станет он больше нарушать договор...

Но и Прохор сел в машину с недовольным выражением лица. Ясно, что Вагнер испугался, но ведь и он не добился своего. А было бы неплохо влезть в проект, который осваивал этот жучара. Но Инна права, пересаливать этот борщ нельзя. Не те сейчас времена, чтобы начинать войну.

Не удержался Прохор от поездки к Миле. Правда, приехал он к ней в подпорченном настроении.

Она стояла у окна, смотрела вниз, пальчиками придерживая занавеску. И маникюр у нее то что нужно, и кружевное белье из дорогого магазина. Она и раньше была более чем, а сейчас просто расцвела... Только зачем ему это нужно, когда такой камень на душе?

Так хорошо начался день, так все было здорово, а он взял и все испортил...

– Что там интересного? – спросил он.

– Да так, – пожала плечами Мила.

– Я знаю, это твоя душа на волю рвется.

– На волю?! – Она с подозрением глянула на него. Видно, учуяла подвох в его голосе.

– Сидишь, как птица в клетке...

– Ну, клетка хорошая, мне нравится.

– Может, на работу тебя устроить?

– На работу?

– Секретаршей. На очень хорошую зарплату.

– К тебе?

– Да нет, есть один хороший человек...

Прохор действительно мог составить Миле протекцию. Устроить на хорошую работу и махнуть на нее рукой, чем не вариант? Он мог даже оставить ее в этой квартире – на месяц, даже на два. А может, и больше... Хватит с него любовниц, пора заканчивать с похождениями. Утром будет просыпаться с женой, ночью ложиться с ней в постель. И дети по вечерам будут общаться с отцом... Да, хватит с него.

– Ты меня что, бросаешь?

– Бросают тех, кого подбирают, – усмехнулся Прохор. – Я устрою твою жизнь. Ты ни о чем не будешь жалеть.

– Я должна будут спать с твоим хорошим человеком?

– Ну, если вдруг... Ревновать не буду.

Прохор закрыл глаза. Ему смертельно хотелось спать. Сейчас он немного вздремнет, после чего «сделает ручкой» Миле. Да, с ней пора заканчивать.

– Может, мне к Алику вернуться? – донеслось откуда-то издалека.

Проваливаясь в сон, Прохор успел кивнуть. Хочет вернуться на помойку? Пожалуйста!..

Проснулся он в той же постели. За окном светло, день еще не закончился. Милы не видно и не слышно. Прохор зевнул в кулак. Голова что-то тяжеловатая. Видно, со сна. Легкая тошнота. Бывает. На часах – половина десятого. Странно. В это время уже должно темнеть, а за окнами светло, как утром... Ну да, лето уже на носу, ночь идет на убыль.

Он поднялся, оделся, прошел в гостиную. Милы там не было. Он повернул на кухню, но по пути скользнул взглядом по полу. Женской обуви не видно, сумочки тоже. Плащ на вешалке не висел. Прохор пожал плечами, вернулся в спальню. Открыл шкаф – пусто. А ведь он успел прибарахлить Милу... Неужели собрала вещи и уехала?.. Что ж, баба с возу, кобыле легче.

Прохор услышал, как открывается дверь, и поморщился. Мила могла бы вернуться чуточку попозже, после того, как он уйдет. Быстро достал из-под подушки пистолет – может, это и не Мила вовсе. Может, Вагнер прислал своих «торпед».

Но это был не Вагнер и не его братва.

В комнату вошла Инна. Прохор угрюмо смотрел на жену. Любовницы здесь нет, так что с поличным его не возьмешь. А то, что он здесь, так, может, ему захотелось побыть в одиночестве. Объяснения он, конечно, найдет, только что-то не очень хотелось их давать.

– Ты где ночью пропадал? – переступая порог, спросила Инна.

– Как это где? – Прохор удивленно глянул на нее. – Дома ночевал...

– У кого дома? У себя дома ты был вчера.

– Какой вчера?.. Сегодня!

– Да нет, вчера... – внимательно посмотрела на него Инна. – А сегодня ты ночевал непонятно где.

– Здесь я был.

– Я приезжала ночью, тебя здесь не было.

– Ты?! Здесь?! Ночью?!

Прохор ничего не понимал. Он был у Милы, его сморило, но ведь спал он недолго... Хотя с четырех дня до половины десятого вечера – это не так уж и мало... А что, если часы показывали половину десятого утра?! Что, если он проспал всю ночь? Но как такое могло случиться?

– Ночью Вагнера убили, – сказала Инна, продолжая все так же внимательно смотреть на него.

– Вагнера?!

– Утром из милиции приходили, тебя спрашивали.

– Ты могла бы позвонить.

– Телефон не отвечал...

И тут раздался звонок в дверь.

– Кто там? – Прохор вытащил из-за пояса пистолет.

Инна мотнула головой. Он подошел к двери, приложился к «глазку» и увидел двух мужчин – молодого и постарше. Оба рослые, в кожаных куртках, в которых больше щеголяли менты, чем бандиты. Да и знал он того, который постарше. Из ГУВД мужик... Кажется, капитан Антипин... Или уже майор...

– Инна Викторовна, открывайте, мы знаем, что вы здесь! – донеслось с лестничной площадки.

– Они что, следили за мной? – возмущенно протянула Инна.

Прохор открыл дверь. За пистолет он не переживал: с разрешением все в полном порядке. И чтобы бояться ментов, он ничего такого не совершал.

– Прохор Константинович! – фальшиво обрадовался Антипин.

– И что с того?

– Майор Антипин, уголовный розыск.

– Дальше?

– Пройти можно?

– Ну, если есть постановление...

– Есть, – кивнул молодой, который так и не стал представляться.

Он полез в карман куртки, вынул оттуда сложенный вчетверо лист бумаги, предъявил Прохору. А по лестнице поднимались еще люди характерной внешности. Взгляды цепкие, как у собак на охоте, ушки на макушке.

Прохор не терял времени даром, в позапрошлом году окончил заочный институт, получил диплом юриста. Но и без этого он знал, чем постановление на обыск отличается от постановления на арест. Пока что его собирались только обыскать.

– Здесь не указан адрес этой квартиры, – качнул он головой.

– Но вы же понимаете, что это формальность. Причем легко устранимая... Вас подозревают в убийстве, и прокурор легко выпишет новое постановление.

– В убийстве?!

– Вы подозреваетесь в убийстве гражданина Вагнера.

– Я?!

Прохор широко открыл дверь. Но в дом он пропустил только Антипина. А его молодого спутника отправил за новым постановлением.

– Что это у вас? – Антипин пристально смотрел на пистолет, который Прохор уже вложил в облегченную кобуру на пояс.

– Разрешение в наличии.

– Боевой?

– Служебно-боевой.

– «Макаров»?

– «ИЖ».

– Одно и то же.

– Только выстрел слабее.

– Может, потому пуля и застряла в шее. Силы не хватило, чтобы навывлет.

– Это вы о чем? – не своим голосом спросил Прохор.

Само чутье подсказывало, что влип он не по-детски. На этот раз ему не выкрутиться.

– На месте преступления обнаружены «макаровские» гильзы. – Антипин цепко смотрел ему в глаза.

– Я здесь при чем?

– Есть свидетель, он видел человека, похожего на вас.

– Это какая-то дичь!

– Где вы находились сегодня в районе часа ночи?

– В районе часа ночи?.. Спал... Здесь...

– Кто это может подтвердить?

– Я могу подтвердить! – вступила в разговор Инна.

– Вы же говорили, что муж не ночевал дома, – предостерегающе глянул на нее Антипин.

– Я ездила к нему сюда...

– Вы этого не говорили.

– Сейчас говорю.

– Инна Викторовна, мы сняли запись с ваших камер наблюдения. Сегодня ночью вы действительно куда-то уезжали. Но это было в районе половины четвертого...

– В районе четырех я была здесь. Мой муж спал без задних ног...

– Это не алиби, – успокаиваясь, качнул головой Антипин.

– Мила может подтвердить.

– Кто такая Мила? – Судя по взгляду, майор заранее знал ответ.

– Кто такая?... – Прохор потер кулаком подбородок. – Хотел бы я это знать.

Почему вчера он вдруг захотел спать? Уж не потому ли, что Мила подмешала ему в вино какую-то гадость? А проспал он до самого утра. И не факт, что Мила это подтвердит. Может, потому она и уехала, чтобы лишить его алиби.

– Где она? – спросила Инна.

– Мы с ней расстались... И с ней, и со всеми... Я решил завязать.

У Инны едва заметно дернулась верхняя губа. Насмешил ее Прохор. Но ведь он действительно решил измениться. И как теперь это доказать? Заметут сейчас менты, поставят на казенное довольствие, и все...

– Мила может подтвердить, что в районе часа ночи вы находились здесь, в этой квартире? – спросил Антипин.

– Может, – уверенно кивнул Прохор.

Но майор не поверил ему.

– Кто еще может подтвердить?

– Мила и подтвердит.

– Где она?

– Найдем... У нее отец здесь живет...

Милу пробивали. Она действительно была родом из села Кукуево, и здесь, в Зарубинске, у нее жил родной отец. Но свое село она могла покинуть гораздо раньше, чем решила найти отца. И чем она занималась все это время? На кого и с кем работала?.. Глубоко не копали, а зря. Похоже, Мила реально «засланный казачок».

– Адрес?

– Ну, я точно не помню, – пожал плечами Прохор. – Позвонить надо, спросить.

– Позвоните, спросите. Это в ваших интересах.

Мобильник был выключен. Прохора это мало удивило. Если Мила смогла усыпить его, то и с телефоном решить не проблема... И пистолет она могла из кобуры вытащить.

Набирая номер, он осторожно вытащил пистолет, понюхал ствол. Из него тянуло свежей пороховой гарью.

– Что там такое? – спросил Антипин, заметив, как он поморщился.

– Да ничего, – косо глянул на него Прохор.

Мент ходит по пятам, не скрыться от него, не спрятаться. Но к пистолету он руку не тянул, и Прохор понимал почему. Он просто смотрел, чтобы Прохор не избавился от оружия. А будет постановление, ствол изымут по всей форме... А если вдруг пистолет исчезнет, не беда. Ствол отстрелян, проведен через пулегильзотеку. Баллистическая экспертиза пришлет орудие убийства Прохору, и тогда уже не отвертеться.

Он позвонил Трохе, велел брать пацанов и ехать искать Милу. И к отцу ее съездить, и к Алику, и по вокзалам прошвырнуться.

Но чутье подсказывало, что Милу не найдут. Во всяком случае, быстро. Сделала, сука, свое дело и смылась, ищи ее теперь свищи.

Прохор в смятении глянул на жену и тихо спросил:

– А ты точно в четыре утра здесь была?

Инна приложила к губам палец, взглядом показав на Антипина. Прохор уныло кивнул. В четыре утра его могло здесь не быть, потому что он в это время еще заметал следы преступления.

Но если его, Прохора, не было здесь, где он тогда пропадал?

– А в шкафах искала? – все также тихо спросил он.

Инна качнула головой. Нет, в шкафах она не шарила, и под кроватью не смотрела. А ведь он мог быть там. Но если так, то Мила реально все предусмотрела. И она, и ее сообщники... Знали, что Инна может отправиться на поиски мужа...

В дверь позвонили, и Антипин сразу оживился. Действительно, его напарник доставил постановление. Появились понятые, у Прохора изъяли ствол, составили акт. После чего он получил вежливое приглашение на randevu в ГУВД.

Глава 3

Камера только что после ремонта, воздух пропитан запахом свежей краски. Вместо жестких деревянных нар – койки с панцирной сеткой. Мягкая постель, телевизор, холодильник, все удобства. И соседей нет. Но даже в таких санаторных условиях изолятор оставался изолятором. Дверь не вышибить, толстую решетку не высадить.

Обвинение уже предъявлено, со дня на день – этап в следственный изолятор. И там ночь с женой не провести. А здесь еще можно. Менты вцепились в Прохора крепко, но не вредничают, закрывают глаза на поблажки, которые можно купить по теневому прейскуранту.

– Я реально хотел завязать, – сказал Прохор, обнимая Инну за плечи.

Они лежали на койке, но теснота его ничуть не напрягала. Так приятно было прижимать к себе законную жену.

– Ты всегда этого хотел, – попыталась она сдержать усмешку, но не смогла.

– На этот раз точно...

– Мне ничего не остается, как верить.

– И ждать.

– И ждать, – кивнула Инна.

– Думаешь, не отбиться? – с надеждой на чудо спросил Прохор.

Свидетель опознать его не смог. Темно, сказал, было, как бы не ошибиться. Но при этом заметил, что Прохор очень похож на убийцу. И комплекция, и движения. Да и в профиле знакомые линии... Показания свидетеля к делу не пришили, зато баллистическую экспертизу провели в рекордно короткие сроки. Да, Вагнера убили из его пистолета. И алиби у Прохора не было...

– Не хотела тебе говорить, но сегодня Голика арестовали, – вздохнула Инна.

– Он здесь каким боком? – встрепенулся Прохор.

– Старое дело подняли... Помнишь, он человека по пьяному делу сбил?

– Помню.

Голик не напился тогда, а обдолбился. И человека сбил насмерть. Ему грозил реальный срок, но дело замяли, спустили на тормозах. Три года прошло, и вдруг вспомнили...

– Боюсь, что кто-то заказал «каштаны из огня», и менты их таскают... Арестуют Голика, арестуют других... С кем ты останешься?

– Может, сверху план спустили, – пожал плечами Прохор.

Сначала братву опустили на уровень ниже травы, а затем начали выкорчевывать корни. Вагнера в расход, Прохора за решетку... Одним выстрелом двух зайцев.

– Не знаю... Может, и по плану... Но дело дрянь. Если все идет по этому плану...

– Ну, бизнес-то не арестуют.

– Не арестуют. Но ударить могут сильно.

– И кому это нужно?

– Не знаю.

Прохор занимался всем, что приносило деньги. Доля в рынке «Южный», частное охранное предприятие, ломбарды, быстрые кредиты, автозаправки, рестораны, магазины... Еще строительная фирма, через которую осваивались бюджетные средства. Были у него в городской администрации свои люди, они помогали ему получать выгодные подряды на строительство, благоустройство. Из-за одного такого подряда он и схлестнулся с Вагнером.

Но Вагнер не стал бы организовывать игру, из которой сам выбыл первым.

– Может, из мэрии ветер дует?

Не нравится городским чинушам, что их держат за «Фаберже», вот и бросили вызов и Прохору, и Вагнеру. Или все, или кто-то из них... Тот же мэр мог решиться на такой выстрел. И возможности у него для этого были.

– Я разберусь.

– А если сама под раздачу попадешь?

– Все возможно... Детей надо увезти. Хотя бы на лето.

Прохор кивнул. Была у них вилла в Испании, на берегу Средиземного моря. Да, там дети будут в безопасности.

– И ты сама давай езжай.

– А дела?

– Дела... Если братву прессовать начнут... Если еще кого-то заметут, бросай все.

– Тебя замели... – с горечью усмехнулась Инна. – И за этим я вижу крепкую руку. И холодный ум...

– И холодный... И быстрый, – кивнул Прохор.

Он хорошо помнил тот момент, когда в его жизнь ворвалась Мила. Что, если она «сняла» Алика только для того, чтобы застрелить Прохора у него в тире? А возможность у нее для этого была. Вариант простой, она стреляет как бы случайно. Пока Троха соображает, она кончает и его, а затем и Алика, сваливая все на него... Но Прохор не позволил бы выстрелить в себя, он, как всегда, был наготове. И она это поняла.

Но Мила могла убить его потом. Отравила бы его, и гудбай!.. Но, видно, заказчик изменил решение.

– Этот ум как-то узнал о наших с Вагнером терках.

– Ты говорил об этом с Милой?

– Нет, конечно...

– Ну да, ты же с ней не теми секретами делился, – не удержавшись, съязвила Инна.

– Ты меня прости, ладно?

– Да я-то прощу, а насчет суда не уверена...

– Главное, руки не опускать.

– За меня не беспокойся. Лучше сам духом не падай.

– Шутишь? Где наша не пропадала!

– Может, пока не поздно, продадим бизнес?

– Кому? – спросил Прохор, вспомнив историю с Егором Корольковым.

Этот «жук» когда-то был бандитом первой волны. Потом ударился в бизнес, поднялся, но связи с братвой сохранил. И с Афонычем у него было все на мази. Потому Прохор и попал под удар... Крутым он был, этот Королек, но Прохор все

же заставил его сбежать из города. Королек тоже тогда бизнес продавал в спешном порядке... Сейчас он в Москве, дела вроде бы неплохо идут...

– Да кому угодно! Пока у нас есть силовая поддержка...

– Пока что мы еще можем продать кирпич с земли... – кивнул Прохор. – Причем по хорошей цене... А дальше что?

– Вложим деньги в акции... Варианты есть, и очень хорошие.

– Будем жить на проценты?

– На дивиденды.

– Дело нужное, – усмехнулся Прохор. – На Колыме без дивидендов не проживешь.

– Не думаю, что до Колымы дело дойдет. Но если вдруг, эти дивиденды тебя и вытащат.

– Как?

– Я обязательно что-нибудь придумаю.

– Ты думай, чтобы до Колымы дело не дошло.

– Если честно, я на твоих ребят не очень-то рассчитываю. Я частное детективное агентство подключила. Из Москвы. Они мне помогут на твою Милу выйти. Оттуда она... И ветер оттуда дует... Я заставлю ее дать алиби...

Прохор хотел спросить, почему Инна грешит на Москву, но дверь в камеру вдруг открылась, и появился полковник Решетников, заместитель начальника ГУВД. Лощеный, холеный, выбритый до синевы.

– И что здесь такое? – взвыл он, увидев Инну.

– Командир, ты чего? – скривился Прохор, глядя, как Инна вскакивает с койки.

Не нравилось ему, как какой-то «полкан» смотрит на его жену, да еще и орет.

– Немедленно освободить помещение!

Инна кивнула, прощаясь с Прохором, направилась к двери, но Решетников посторонился с явной неохотой. Инне пришлось протискиваться между ним и дверным косяком. Прохор едва сдержался, а так хотелось зарядить наглецу в морду.

– Что здесь за бардак? – обращаясь к нему, спросил Решетников.

Прохор молчал, исподлобья глядя на него. Если он останется на коне, Решетников пожалеет о своей выходке и без всяких угроз. А если жизнь все-таки опустит и у него не будет возможности наказать этого козла, то ни к чему попусту сотрясать воздух.

– По своим правилам хочешь здесь жить, Кожухов! Не выйдет! Закончилось твое время! Теперь ты будешь жить по нашим правилам... Если вообще будешь жить, – немного подумав, добавил полковник.

Прохор и на этот раз промолчал. Вагнера больше нет, его самого уже поставили в очередь, так что возможно все. Но Решетников – последний человек в списке тех, с кем бы он хотел делиться своими тревогами. Даже если ему что-то известно.

– В четвертую камеру его давай! – рыкнул мент.

– Есть, товарищ полковник! – взял под козырек стоящий за ним надзиратель.

В четвертой камере тоже недавно сделали ремонт, но здесь больше воняло дерьмом с параши, чем свежей краской. И людей полный комплект, даже приткнуться некуда.

Но изолятор временного содержания – еще не тюрьма, и правила здесь попроще. Кто сильнее, тот и прав, кто смел, тот и съел. Впрочем, Прохору не пришлось

вступать в схватку за «место под солнцем». Губастый верзила с надорванным ухом знал, с кем имеет дело, поэтому сам предложил ему свою шконку. И тут же согнал с койки своего соседа...

Укладываясь на кровать, Прохор подумал о том, что его знают и в следственном изоляторе, так что и там можно устроить себе сносную жизнь. Если только менты не вмешаются...

Розовощекий следователь стелил мягко, но именно это и напрягало. Прохор хорошо помнил младшего советника юстиции Охримова, натурального громиломордоворота. На внешность – натуральный Бармалей, которым начитанные мамы пугают детей. Глядя на него, Прохор всерьез думал о пытках, но Охримов даже голос на него не повысил. Общался вежливо, на «вы», только вот после разговора с ним Прохор оказался в одной камере с михеевскими бандитами. Там не драка была, а натуральная бойня. Ему повезло, он вышел победителем, но ведь его могли и по плинтусу размазать...

Тогда, одиннадцать лет назад, Прохор был никем, но и сейчас его влияние пытались свести к минимуму. А менты взялись за дело всерьез. Сначала «приняли» Голика, за ним Ялика и Вагу. Остальные пацаны ушли в подполье. Да так глубоко, что Прохор не мог до них докричаться...

Прессовали не только его братву. Вчера спецназ отработал кафе, в котором собирались вагнеровские. Отработали жестко, с задержаниями...

– Прохор Константинович, я не принуждаю вас чистосердечно во всем признаться, – «стелил» майор Глафирин. – Я просто хочу убедить вас в том, что свою вину отрицать бесполезно.

– Пожалуйста, давайте по существу, – встрял адвокат.

– Олег Романович, можно, мы пообщаемся без вашего присутствия?

Прохор сделал ход конем и, неожиданно для следователя, выставил адвоката за дверь.

– Ну, во-первых, у меня юридическое образование, – не сводя с Глафирина глаз, сказал он. – А во-вторых, я все понимаю. Вагнера убили из моего пистолета, у меня есть мотив, но нет алиби. Этого вполне достаточно, чтобы беспристрастный суд вклеил мне реальный срок. Но почему вы, Игорь Владимирович, уверены в том, что суд не будет на моей стороне?

– Суд будет на стороне закона.

– Закон что дышло...

– А вот это вы зря! – Глафирин расправил плечи.

– Понятно, – качнул головой Прохор.

– Что вам понятно?

Менты явно ощущали за собой чью-то высочайшую поддержку. Похоже, они реально получили отмашку на Прохора. И, возможно, эта команда поступила, как реакция на убийство Вагнера... Или менты сами организовали эту подставу?... Сколько времени уже прошло, а Прохор все терялся в догадках. Не было у него точного ответа, кто конкретно жал на «газ».

– Делайте свою работу, майор. Только коней сильно не гоните, вдруг понесут.

– Это угроза?

– Это инструкция. Для сапера. Вы же знаете, как у них там, одна ошибка и все... Можете позвать адвоката.

Прохор понял, что разговора по душам не получится. Закрылся мент, чувствуя за собой силу. Прохору не нравилась эта его уверенность, и инстинкт самосохранения советовал ему готовиться к худшему.

Было время, когда кровь лилась рекой. Отбиваясь от михеевской братвы, Прохор множил трупы, и ментам это было известно. Его даже пытались крутить на признание, но до суда дело так и не дошло. А так ему «светило» не одно

пожизненное...

Сейчас он точно никого не убивал. Но, может быть, судьба наказывает его за прошлые грехи? Он уже в СИЗО, его камень набирает ход по наклонной. Как бы до зоны не докатился.

Нужные унижительные процедуры позади. Шмон, сборка, медосмотр, промывка мозгов, баня, санобработка с прожаркой, отоваривание на складе, где он получил матрас, белье, миску с кружкой... Но при этом все только начиналось. И путь, который его ждал, долгий он или короткий, ему придется проделать самому. Никто ему здесь не помощник...

– Лицом к стене!

Прохор остановился, а вот к стене поворачиваться не стал. Конвоир глянул на него косо, передал заключенного контролеру, но уходить не спешил. Дождался, когда тот откроет дверь, направит Прохора в камеру, только тогда повернул назад.

Прохор нахмурился, переступая порог. Ему обещали маломестную камеру, а здесь было с дюжину шконок. Людей, правда, поменьше, хотя обычно случалось наоборот.

Два окна забраны были решетками так, что к ним не подойти, не высунуться. Стол, вмурованные в пол скамейки, двухъярусные шконки, сортир за фанерной перегородкой, на веревках, натянутых под потолком, сушились жалкие арестантские тряпки. Работали телевизоры, все три «ящика». Народ валялся на шконках, засыхая от скуки. За столом два мужика гоняли чай. На Прохора едва обращали внимание. Зато он глянул на каждого. Вдруг увидит кого-то из знакомых. А может, сюда оформили кого-то из его пацанов. Но нет, никого он здесь не знал.

В камере пустовали две койки, одна у самой сортирной перегородки, другая соседствовала с ней. Можно было устроиться на соседней, но Прохор направился к шконке, на которой лежал упитанный паренек, похожий на пряник. На вид типичная жертва, но чувствовал он себя вроде неплохо. Возможно, его здесь не обижали. Или у него был серьезный покровитель. Может быть, его сосед, чернявый крепыш с кавказской горбинкой на носу, который взял Прохора в

прицел своих маленьких, но с увеличенными зрачками глаз. А может быть, здесь просто царил порядок, который установил «смотрящий», верзила в спортивном костюме. Этот здоровяк занимал самое лучшее место, у окна, он дремал, не обращая внимания на Прохора, или же только делал вид, что не замечает его. Может быть, ждал, когда Прохор представится.

Но Прохор уже поздоровался, не важно, что кивком головы. А говорить он не желал, зачем отвлекать народ от скуки?

У него были связи в СИЗО, он их поднял, но, похоже, кто-то подгадил ему, как это сделал полковник Решетников, прогнав из его камеры Инну. Но, тем не менее, наличность ему пронести позволили. И одежду прожаркой не испортили. Хороший матрас выдали, новое белье. И в «хабаре» у него не какой-то там хлам.

– Договоримся? – Прохор достал из кармана пятитысячную купюру.

Он готов был купить место, лишь бы только ни с кем не бодаться. Пять тысяч – это, конечно, много, но меньших купюр у него просто не было.

Прохор смотрел на упитанного паренька, а ответил ему кавказец.

– А что такое? – резко поднимаясь со своей шконки, спросил он.

Помятые уши, покатые плечи, короткие, но сильные руки. Наверняка борец. Возможно, «вольник».

– Переезжаешь на новое место, – кивком показал Прохор на свободную шконку.

– Никто никуда не переезжает! – Кавказец вырвал из его рук купюру и бросил ее на пол.

– Ты не прав, – качнул головой Прохор.

Он смотрел на зачинщика, но видел и верзилу, который занимал место «смотрящего». Тот уже открыл глаза и наблюдал за сценой, нахмутив брови. А ведь он должен был подняться, развести враждующие стороны. Надо пресекать беспредел в камере.

Кавказец хищно усмехнулся и брезгливо пнул ногой лежащую на полу купюру.

– Ты сам знаешь, что не прав, – повторил Прохор. – И тебе нечего ответить.

– Я тебе сейчас отвечу!

– После того, как я спрошу.

Что в тюрьме, что на воле – закон простой. Если на кого-то наехал, обоснуй, докажи свою правоту. А если не можешь, значит, случился беспредел. А за такие дела можно бить без всякого разрешения.

И Прохор ударил. Уронив сумку на пол, вскинул кулак и хлестко, слева направо, врезал костяшками точно в правое надбровье. Он знал, как и куда бить, поэтому кавказец, закатив глаза, съехал обратно на свою шконку. Он попробовал подняться, но его повело в сторону. А Прохор ударил его еще и ногой – коротко, четко, точно в челюсть. Кавказец завалился на спину, раскинув руки, и закрыл глаза. То ли на самом деле вырубился, то ли сделал вид. Уж слишком быстро и сильно бил Прохор, чтобы пытаться судьбу.

– Деньги подними, – перевел взгляд Прохор на упитанного.

Тот пугливо кивнул, поднял с пола купюру, протянул ему, но он только качнул головой – это уже грязные деньги, они ему больше не нужны.

– Поможешь этому баклану переехать, – сказал он, кивком показав на свободные места.

«Пряник» кивнул, и Прохор бросил свой матрас на его шконку. Там же оказалась и его сумка.

Кавказец возникать не стал. Но и место свое уступать не торопился. Медленно поднялся, с опаской поглядывая на Прохора, расправил плечи. Пришлось его поторопить. Пока только словом.

– Давай, давай!

– А кто ты у нас тут такой, чтобы командовать? – спросил верзила.

Он поднялся, неторопливо подошел к Прохору. Крупные, резкие черты лица, чугунный подбородок, тяжелые кулаки. К нему примкнули еще двое, крепкие на вид, но не очень уверенные в себе парни. Они видели, как Прохор спросил за беспредел, и с опаской примеряли ситуацию на себя. Зато кавказец взбодрился, почувствовав поддержку.

– Он должен был обосновать свой наезд, – сказал Прохор, кивнул на чернявого.

– Кто тебе такое сказал?

– Это мои правила. По ним живет моя бригада.

– Какая твоя бригада?

– Я – Прохор.

– Прохор?! – изменился в лице «смотрящий». – А я так почему-то и подумал.

– Ну, а я не знал... Извиняюсь, – закивал кавказец.

– Азамат, ты должен был обосновать, а ты не смог, – сочувствующим тоном сказал верзила. И кивком показал в сторону параша. Чернявый вздохнул, стал сворачивать матрас.

– Ты кто такой? – повернулся Прохор к «смотрящему».

– Ну, я Ливень...

– Блатной?

– Да нет... У нас тут без этого... Но понятия знаем... И Павлик знает...

Павлик был законным вором и мотал на тюрьме уже пятый год. Прохор был с ним знаком, но дружбы особой не водил. Павлик занимался исключительно

воровской общиной, в городскую политику не лез, на бизнес не замахивался. Прохор отстегивал ему слегка на «общак», чисто на случай, если менты «примут» его самого или кого-то из пацанов, на этом их отношения и заканчивались. Павлик не обещал ему здесь своего покровительства, но и палки в колеса ставить вроде бы не собирался. Прохор для него вроде как обычный арестант, ну так он к блатным высотам пока и не рвался. Вот если осудят на долгие годы, тогда ему ничего не останется, как выбиваться в лагерную элиту. Как-то неинтересно ему прозябание на дне...

– Павлик далеко, а я близко. И если у тебя, Ливень, будет здесь беспредел, спрошу вежливо. Но жестко.

– Да какой беспредел... Тихо у нас тут все...

– Как с харчами?

– Ну, когда как...

– Можешь чай организовать... – Прохор открыл сумку, вынул оттуда пакет с провизией. – Поговорим, расскажешь мне, как у вас тут.

– А мне можно? – подал голос Азамат.

Он уже стоял возле пустой шконки, сиротливо обняв матрас.

– Если бы ты забрал деньги, я бы тебя не простил, – тихо произнес Прохор, в раздумье глядя на него. – А так у тебя есть шанс... Но не сегодня.

Он глянул на свою шконку, увидел, как «пряник» заправляет ему постель, но не остановил его. Почему он должен отказываться от услуг «шестерок» и прочих шнырей?..

– Я знаю все, что сейчас происходит, – сказал Прохор Инне, когда она пришла к нему на свидание под видом адвоката и их оставили одних в комнате.

Он действительно знал. Менты раздухарились не на шутку. Метут пацанов только в путь, не гнушаясь надуманными предложениями. Кого не посадили, те схоронились, остался только бизнес. И охранный предприниматель, который действовало на легальной основе. Есть там надежные люди, которым нечего бояться ментов, но их тоже сейчас прессуют бесконечными проверками. Вагнеровским тоже не дают головы поднять. Там ситуация даже сложнее...

Инна поправила причёску, села на стул, подобралась, выпрямила спину. Ни дать ни взять адвокат, должностное лицо.

– Зажали тебя крепко, ты и сам это знаешь.... Боюсь, что еще и свидетель показания даст. В суде. Тогда прижмут еще крепче...

– Не удивлюсь, – кивнул Прохор.

– Его не охраняют. – Инна выразительно глянула на него.

– И что ты предлагаешь?

– Боюсь, его нарочно не охраняют. Если с ним вдруг что-то случится, в этом обвинят тебя.

– Бездоказательно.

– Да, но это усугубит твою доказанную вину... А если еще доказательства появятся... Возможно, ситуацию провоцируют. Может быть, свидетель находится под тайным наблюдением...

– Ловля «на живца»?

– Может, и ловля... Только где «живца» взять?

– Да и не надо... – качнул головой Прохор.

Были у него люди, которые могли решить вопрос со свидетелем, но связь с ними утрачена. Инна могла бы достучаться до них, но зачем? Не надо убивать свидетеля. Во-первых, чересчур. А во-вторых, толку от этого не будет. Прокурор докажет вину Прохора и без свидетельских показаний...

– Я решила вопрос с бизнесом... – сказала Инна и кивком показала на портфель, который стоял на столе. – Если ты подпишешь, у нас здесь останется только мелочевка...

– Например?

– Ломбарды, продуктовые магазинчики...

– Магазины.

– По сравнению с новым торговым центром – магазинчики.

– С каким новым торговым центром?

– Торговый центр «Город-Сад».

– Не слышал.

– В Москве уже есть несколько... Продукты, промтовары, все в одном...

– Торговая сеть?

– И довольно агрессивная.

– В каком смысле?

– В прямом. Возможно, мы стали жертвой этой агрессии.

– Что-то я тебя не понял.

– Знаешь, кто основал торговую сеть «Город-Сад»? Егор Сергеевич Корольков. Это имя тебе ни о чем не говорит?

– Королек?!

– Боюсь, что он возвращается.

– Да нет... Зачем ему Зарубинск, если есть Москва? Какие масштабы там, а какие здесь?

– Там ему никогда не стать основным.

– А здесь?

– Здесь он может подмять под себя всех. В том числе и вас с Вагнером...

– Вагнера уже нет.

– Потому и нет, что его подмяли...

– Королек?

– У него деньги, у него связи в Москве... Где-то там наверху прошла информация о криминальном беспределе в Зарубинске, тут же пришло подтверждение. Убили преступного авторитета, город на пороге большой криминальной войны, пора действовать...

– Но сначала убили Вагнера. И подставили меня.

– А Корольков на такое не способен?

Прохор кивнул, соглашаясь с женой. Королек еще тот фрукт. Он сам предложил Прохору смертельный поединок. И не уехал из города до тех пор, пока они не сошлись лицом к лицу. Прохор оказался проворнее, но Королька добивать не стал. Поверил в его благородство, взял с него честное слово... Видимо, зря. Все это время Королек ждал, когда пробьет его час, готовился, наращивал

возможности. А когда час пробил, нанес подлый удар. И тут же начал наступление на городскую торговлю. Поставит несколько торговых центров, начнет демпинговать, разорит конкурентов и станет основным игроком на рынке товаров и услуг.

– Он способен и не на такое, – задумчиво проговорил Прохор, вспомнив, как Королек разорил отца Лиды.

Чтобы заполучить ее саму. И ведь разорил, а Лиде предложил расплатиться по долгам супружеской верностью. Так на ней и женился...

– Возможно, он хочет взять себе весь город, – сказала Инна. – Или же он просто тебе мстит. Или и то и другое.

– И то и другое, – кивнул Прохор.

– С Вагнером уже покончено, тебя дождут, и на вашем месте будет «Город-Сад».

– Ну, это мы еще посмотрим.

– Хочешь ты того или нет, но последнее слово за Корольком.

Прохор зло стиснул зубы. Он знал, что Королек обосновался в Москве, но где, не выяснял. А надо было взять его под наблюдение... Но «под колпаком» оказался он сам. Наверняка Королек не просто ждал своего часа. Скорее всего, он внедрял своих людей в его систему, следил, вынюхивал. А в нужное время взял ситуацию под свой полный контроль. И сейчас он стоит над этой ситуацией и гнусно улыбается, глядя, как барахтается Прохор.

– С ним надо решать.

– Как?

– Ты поможешь мне, – решительно произнес Прохор, уже составляя в уме план, как Инна свяжется с человеком, который отправится в Москву и убьет Королька.

– Я-то помогу... А если это выйдет тебе боком?

– Мне это уже выходит жопом!

– Лучше жопом, чем в гробу... Ты же сам говорил, что Мила могла тебя убить.

– Могла.

– Но не убила... А почему? Может, Лида не позволила?

– Лида?!

– Однажды она пыталась тебя посадить...

Да, было дело. Лида не могла сопротивляться его напору и всякий раз оказывалась у него в постели... В последний раз она просила его, чуть ли не умоляла оставить ее в покое, но Прохор настоял на своем, и она сдалась. Но тут же отомстила, заявила в полицию, обвинив его в покушении на мужа. А Егор действительно лежал тогда в больнице после пулевого ранения. Он застал жену с Прохором в постели, потянулся за пистолетом, но получил сам. В милицию заявлять не стал, пожаловался Афонычу, тот объявил Прохора врагом... Похоже, то время вернулось...

– Но ведь не посадила. И заявление забрала.

– Она могла посадить тебя сейчас. Чтобы не убивать... К тому же ты бросил ее... Если она тебе этого не простила?

– Я ее не бросал, она просто уехала.

– Но ты же не поехал за ней.

– У меня жена... Ты тогда ждала ребенка... Эй, тормози!.. – спохватился Прохор. – Не надо выжимать из меня сопли. Я этого не заслужил.

– А если заслужил? – Инна смотрела на него с обидой и ревностью.

– Все это осталось в прошлом.

– У прошлого есть одно чудесное свойство – оно может опережать настоящее.

– Я Королька не боюсь.

– Он тоже тебя не боялся. А бизнес свой продал. И правильно сделал. Иногда лучше отступить...

– Может быть, – не стал спорить Прохор.

– И у нас все для этого готово. Двадцать два миллиона долларов – отличный способ начать все заново. Но потом.

– Двадцать два миллиона – это парашют. Для спасения. От какого-то уroda... Чтобы я спасался от Королька?

– Парашют?.. Сначала тебе нужно сесть на самолет, который отправит тебя на этап. Вот когда будешь в полете, тогда и спрыгнешь. С приземлением в Испании.

– Ну, это если самолет взлетит...

– Взлетит. Потому что ты не будешь барахтаться. Ты зажат в угол, но ты опасен. И если будешь дергаться, тебя добьют...

– Не страшно.

– Подумай о детях.

– Не знаю...

Прохор находился под стражей, ему отказали в изменении меры пресечения, закон давил на него со всех сторон. Его людей прессовали не по-детски, проблемы росли как снежный ком, а он все не верил, что положение безнадежное. Как не мог поверить, что причиной мог быть Королек... Осознавал, соглашался, но до конца так и не поверил... Зато Инна не сомневалась в своей правоте. И даже радовалась, что вовремя спохватилась.

А своей жене Прохор верил, поэтому и подписал все документы, которые она принесла.

Судебный процесс начался без проволочек. Прохор не признавал свою вину, но и резину не тянул. А зачем? Чем скорее будет суд, тем быстрее он выйдет на волю. Или, напротив, отправится на этап. Инна уже «подмазала» кому надо, и шанс на спасение у Прохора вполне реальный. А если приговорят к лишению свободы, Инна устроит побег. Она все сделает для любимого мужа...

Завтра очередное заседание, прокурор будет требовать для Прохора пятнадцать лет строгого режима. Но об этом лучше не думать. Надо спать, чтобы завтра не зевать на скамье подсудимых на глазах у толпы.

Но недобрые мысли продолжали лезть в голову. Лежа на шконке, Прохор не заметил, как задремал. Вдруг словно что-то толкнуло его внутри, он мгновенно открыл глаза и увидел над собой склонившееся к нему лицо со звериным оскалом. А еще увидел нож. И это не было сном. Он напрягся, одной рукой перехватил нож, другой ударил.

Архип не смог удержать удар, согнулся, заточка выпала из его руки, острием чиркнув Прохора по животу.

– Ну ты и сука!

Он ударил снова, Архип упал. Арестанты всполошились, Азамат вскочил с койки, схватил Архипа, прижал его к полу.

Архип заехал на постой позавчера. Нормальный вроде мужик, спокойный, рассудительный. Прохор и подумать не мог, что это наемник по его душу.

– Кто меня «заказал»? – приподняв футболку, спросил он.

Царапина на боку, совсем не больно, но неприятно. А ведь могло быть и хуже.

А «заказать» Прохора мог только Королек. Но он ни разу и не дал о себе знать. Да, собирался строить торговый центр в городе, а сам здесь не появлялся и ни с

кем не контактировал... Может, и не от него дул холодный северный ветер.

– Да никто не заказывал, – мотнул головой Архип.

Прохор выразительно посмотрел на Азамата, который добровольно взял на себя роль его телохранителя.

– Убей его!

Азамат кивнул, сжал руку на горле Архипа.

– Я скажу! – в ужасе задержался тот.

Прохор подал знак, и кавказец ослабил хватку.

– Я его не знаю... Он подошел ко мне, надо, говорит, решить проблему...

– Кто подошел?

– Ну, у него гараж рядом с моим... Я его редко вижу...

– Проблему решить?

– Ну да, проблему... Меня с работы уволили, а у меня ипотека, отдавать нечем. А Игорь все оплатил.

– Игорь?... А говоришь, не знаешь...

– Ну, по имени знаю...

– Где он работает? Чем занимается?

– Ну, я не знаю...

– Азамат! – Прохор снова выразительно посмотрел на кавказца.

Тот кивнул и пережал киллеру кингстоны.

– Каргин! – прохрипел Архип. – Каргин его фамилия...

– Где работает?

Прохор вдруг понял, что знает ответ на этот вопрос, потому как знал самого Каргина.

– Акционерное общество «Премьер».

– Финансовый отдел?

– Ну, я точно не знаю...

Каргин работал у него в компании, но под началом Инны. Лучший специалист по финансам, незаменимый помощник. Вот он Инне и помог...

– И сколько он тебе заплатил?

– Ну, много... Квартира теперь моя...

Прохор с горечью усмехнулся. Инна могла заплатить много денег. Он сам дал ей карты в руки, она теперь может распоряжаться его миллионами. И делает это. Он-то ей всецело доверяет, и она этим воспользовалась. Бизнеса больше нет, деньги высвободились, а ключ к ним у Инны. Она может делать с ними все что угодно. Но с оглядкой на Прохора, что ее, конечно же, напрягает. Потому она мужа и «заказала»...

– В морге теперь твоя квартира. – Прохор вонзил взгляд в незадачливого киллера.

Покушение не удалось, Инна, возможно, повторит. Но до этого она окончательно загонит его в угол. Суд вынесет приговор, и Прохор будет осужден на долгий срок. И в этом виноват будет прежде всего он сам. Надо же было довериться этой стерве!..

– Не надо, не убивай! – взывал к пощаде Архип.

Но Прохор должен быть беспощадным. Теперь он точно знал, что впереди его ждет суровый приговор, а потом – жестокая борьба за выживание. И в этой борьбе свои законы. Достал нож – бей, а если не смог, умрешь сам. Архип не смог, значит, Прохор просто обязан прикончить его самого. А если нет, его будут считать слабаком, чего допустить никак нельзя... Да и в любом случае Архипа нужно наказать. Тот же Азамат сделает это прямо сейчас, только дай отмашку...

Но убивать так не хотелось. И без того грехов выше крыши.

– Жить хочешь?

– У меня семья! Жена, дети... Я же ради них пошел!

– А сюда как попал?

– Ну, ноутбук у соседа украл...

– А сосед заявление заберет?

– Да, должен...

– А смысл? Если бы ты решил со мной, ты бы не вышел... А так – выйдешь. Если будешь послушным...

– Да, я сделаю все, – кивнул Архип.

– Все не надо. Просто спросишь с Каргина. За то, что он тебя подставил... Ты меня понимаешь?

– Я его убью, – правильно понял Архип. – Он ответит!

Отпустив его, Прохор вернулся на место. Вряд ли этот утырок воткнет нож в спину Каргину. Зато Прохор сохранил лицо, и никто не упрекнет его в слабости. А если Каргин умрет, туда ему и дорога.

Прохор задумался. А почему он не «заказал» Инну? Даже не подумал о том, что с ней тоже нужно решать. Почему? Потому что она мать его детей? Но его детям не нужна такая мать... Любовь? Это вряд ли... Надежда вернуть деньги? Может быть...

И еще – почему он такой кретин?

Однажды, десять лет назад, Прохор обвинил Инну в предательстве. Он работал в паре с Шуршуром, и этот козел втайне от него клеился к Инне. Прохор этого не замечал, поскольку, мягко говоря, не очень-то ее любил. Но потом на него наехал Афоныч, тогда Инна ему все и рассказала. В тот же день Шуршур нашел их и бросил в дом, где они скрывались, гранату. Прохор выжил, а чуть погодя решил вопрос с Афонычем. Шуршур тогда умудрился выкрутиться. Мало того, он помог Прохору занять место Афоныча и сам же стал его незаменимым помощником. Прохор заподозрил прохиндея в нечестной игре, но Инна убедила его в том, что Шуршур не опасен. Дескать, вся его сила строилась на авторитете Прохора.

А потом грянул гром. Прохор узнал, что Шуршур готовит заговор против него, и обвинил Инну в соучастии. Но Инна его тогда спасла, застрелив Шуршура. И тем самым доказала свою непричастность... Но, может быть, она убила Шуршура для того, чтобы замести следы? Может, у них был роман, и она хотела стать его женой? Но Прохор взял вверх, и ей пришлось остаться с ним...

Инна знала о его похождениях. И терпела. Но злость на неверного мужа копилась, пока не вылилась в месть. Это Инна могла нанять киллеров, с которыми работала Мила. Если так, то убийство Вагнера – ее работа. И Прохора она же подставила... И ментов на него навела.

Прохор с озадаченным видом поскреб висок. Ну, конечно же! Как же он сразу не понял. Да, она действительно приезжала в ту ночь на его тайную квартиру. Но сделала это только для того, чтобы ее уличили в подлоге. Дескать, она и хотела бы дать мужу алиби, но не судьба... И еще она приезжала, чтобы посмотреть, спит он или уже проснулся. Может, и Милу она тогда с квартиры забрала...

А потом Инна сочинила сказку про Королька и скормила ее Прохору. Оказывается, это Королек наехал на него – со своими связями, со своими возможностями. Место ему надо под свой «Город-Сад» расчистить, потому он

Вагнера и завалил. Его – в могилу, Прохора – в тюрьму... А ведь он понял, что Инна впаривает ему какую-то дичь. Но договора купли-продажи, тем не менее, подписал. Ну не баран ли?!

Долго Инна готовилась к тому, чтобы нанести удар в самое сердце. И детей Прохору нарожала, чтобы он вдруг ее не бросил. И карьеру сделала, чтобы получить доступ к финансовым схемам, из которых потом ловко вывела деньги... Все, не нужен ей больше муж, который изменял ей налево и направо. Отомстила она ему, прибрала к рукам его денежки. Прохору теперь одна дорога – под суд и в могилу. А Инна будет наслаждаться жизнью на пару с Каргиным.

Прохор поморщился, сунул руку под матрас, нащупал там потайной прорез, вынул мобильный телефон. И набрал номер жены. Нет, он не станет говорить Инне, что покушение не удалось. Даже не намекнет на это. Просто хотелось послушать, как она будет лить ему на уши ароматное масло.

Но телефон не отвечал. Уж не значит ли это, что Инна «умыла руки»? Бросила все и уехала к детям в Испанию... Действительно, а что ей здесь делать после того, как она «заказала» собственного мужа? Вдруг заговор вскроется? Зачем ей уголовное дело на свою голову?

Глава 5

Четырнадцать лет строгого режима, колония в далекой таежной глуши, собачий лай, северный ветер, «белые мухи» в преддверии календарной зимы. Картина Репина «Приплыли»!

– Лицом к стене!

Команду конвоира Прохор выполнил без промедления. Это в Зарубинском СИЗО его знали как человека с большими возможностями, а здесь он – никто. Заключение Кожухов Прохор Константинович. По кличке Кожух.

Надзиратель открыл дверь: «Заходи!» – и Прохор не заставил себя ждать. Здесь с ним не церемонятся – чуть замешкаешься, получишь тычок в спину.

Строгий режим – не сахар, спальные помещения здесь тюремного типа, за тяжелыми железными дверьми. Шконки в два яруса и в три ряда, сортир, умывальник, все как в изоляторе. Только порядка побольше. Решетки на окнах прикрыты занавесками, между рядами затерты чуть ли не до дыр ковровые дорожки. Койки заправлены так же идеально, как в армии, полосы на одеялах в одну линию. Возле двери – доска документации. Тумбочки, как в армии, нет, зато есть дневальный, который поднимался с койки.

Прохор пришел не один, его сопровождал отрядный офицер, лейтенант Колодников. Молодой, щеголеватый, с наивностью в глазах, еще не замутненных жизненным опытом.

Дневальный, толстощекий мужик с крупной родинкой под носом, нехотя вытянулся во весь рост.

– Хорош спать, Точилин! – усмехнулся лейтенант.

– Да я не сплю, вас жду, гражданин начальник.

– Бушаков, а ты почему здесь? – как-то не очень удивленно спросил Колодников, глядя на мордастого детину, лежавшего на койке у самого окна.

Место «козырное», значит, его обладатель в авторитете. Возможно, «смотрящий» по камере. Скорее всего, из блатных...

– Живот болит, гражданин начальник, – даже не глянув на лейтенанта, монотонно проговорил мордастый.

Не молодой он уже, но и не совсем старый. Лет сорок. А может, и в районе тридцати, как Прохору. Жизнь на суровых лагерных ветрах – это год за два, только заносится это соотношение не в личное дело, а на лицо. Морщины на лбу – как строчки в характеристике.

– А освобождение?

– Да все есть, гражданин начальник.

– Ладно, разберемся... Точилин, новичка разместишь.

Начальственно нахмутив брови, лейтенант повернулся к двери. То ли Прохору слышалось, то ли отрядный на самом деле не сдержал вздох облегчения.

Дверь закрылась, и Прохор остался один на один перед действительностью, в которой ему предстояло жить долгих четырнадцать лет. За вычетом пяти месяцев, большая половина которых ушла на этап. И в карантине он почти неделю провел.

– А чего размещать? Вон шконарь! – показал Прохору на пустующую койку дневальный.

Разумеется, это было самое ближнее место к параше. Но делать нечего, надо размещаться. Это не СИЗО, здесь законы еще жестче. Начнешь качать права не по тебе, загонят под шконку. Вот это уже реальный тупик. А так с крайнего места можно добраться до самого окна. Если «в минус» опустят – то все, а с обычного «нуля» можно в люди выбиться. Потихоньку, потихоньку... А куда торопиться с таким-то сроком.

Прохор фактически уговорил себя. И даже взял курс на свободную шконку. Но его хватило только лишь на то, чтобы положить на нее свои вещи. Он вернулся к Точилину, вперил в него гнетущий взгляд.

– Эй, я не понял, ты что, шконками поменяться хочешь?

– Купить.

– Сколько?

– Много. Но потом.

– Э-э, нет... Деньги вперед!

– Это кто у нас тут барыга? – донеслось от окна.

Бушаков поднялся, сел, поставив ноги на пол, и зевнул в кулак, рассеянно глядя на Прохора. Но эта его беспечность была показной. На самом деле он смотрел на новичка изучающе. Просто он еще не знал, на какой уровень его перед собой ставить. Одно было ясно, выше себя он Прохора не поставит.

– Ага, барыга, – засмеялся Точилин. – Барыга задним числом.

– Давай, тащи сюда свое заднее число, – ухмыльнулся Бушаков, подзывая к себе Прохора небрежным движением руки.

Прохор направился к нему неторопливо, с чувством собственного достоинства. Он тоже смотрел внимательно, пытливо. Хотелось знать, кто перед ним – блатной, красноповязочный или тот, который ни вашим, ни нашим. Зона здесь строгая, но козырная масть рябая – то черное, то красное, то пегое. Старый начальник зоны рьяно разрушал старые порядки, усиливая актив, порой за счет бандитов, которые в начале века шли в лагеря косяками. Красное схлестнулось с черным, пролилась кровь, один за другим вспыхнули бунты. Старый «хозяин» ушел, а новый остановился на достигнутом. Так что и воров здесь в силе, и «красноповязочники» в теме. Есть камеры, в которых масть держит братва из той «новой» волны, поднявшейся в девяностых.

Батареи в камере топились, но тепла явно не хватало, поэтому на Бушакове был шерстяной спортивный костюм. И не видно, какие наколки на теле, а они многое могли бы сказать.

Прохор остановился перед ним, но Бушаков даже не подумал кивнуть на соседнюю шконку. Да Прохор и не рвался. Это в директорском кабинете стоящий навтыжку подчиненный ощущает свое ничтожество перед сидящим начальником. А здесь он стоял к своему оппоненту вплотную, можно даже сказать, нависал над ним. Если это не давало ему чувство превосходства, то как минимум подкрепляло уверенность в себе. Если вдруг дело дойдет до выяснений, Прохор будет иметь возможность для первого и реально убойного удара. Но Бушаков этого как будто не понимал. И вид у него был, как если бы смотрел на Прохора сверху вниз.

– Кто такой?

– Бандит.

Он не любил, когда его называли бандитом. Даже в криминальной среде это слово имело негативный оттенок. Но Прохор не стал ходить вокруг да около и пошел в лобовую. Сейчас он должен называть вещи своими именами.

– И откуда ты, бандит?

– Прохор я, из Зарубинска.

– Это где-то далеко.

– Зато я близко.

– А ты чего такой ершистый? – Бушаков наконец-то показал на шконку, предлагая присесть. – Здесь чего делаешь?

– За «мокрое» замаливаю.

– Кого приземлил?

– Авторитета.

– Кто-то «заказал»?

– Я сам в авторитете. Мы с Вагнером делили город пополам.

– Своя бригада?

– Кое-кто остался, – кивнул Прохор.

– Чего так?

– Менты лютуют.

– Есть такое... Я так понимаю, ты у Торчка место хочешь купить.

– Ну, если в этом есть смысл.

– А деньги?

– Никто не знает, где я. Но теперь узнают. Будет подгон.

Прохор сел в лужу конкретно, но кое-что у него осталось. Один ломбард он делил с Купчиком, другой – с Кукой. Оба остались на плаву. Оба сейчас лежат на дне, но пузыри пускают, рулят своим бизнесом. А значит, есть кому смотреть за ломбардами. А там не только вещи под залог, но и быстрые кредиты, которые нужно выбивать. Есть еще доля в ресторане, в автозаправке, в складе, сдаваемом под аренду, также Прохор мог рассчитывать и на прибыль с двух продуктовых магазинов. Инна продала все, что принадлежало ему одному, а долевое участие трогать не стала. Так что Прохор не совсем разорен. И Купчик обязательно зашлет бабло в зону, стоит ему только сообщить.

– И на общак подогнать сможешь?

– Святое дело, – кивнул Прохор.

Он теперь арестант, часть подневольного мира, и на общак ему положено отстегивать в полной мере. Но в рамках определенного процента. И с тех подгонов, которые будут поступать с воли.

– Много?

– Ты казначей?

– Нет... Но знать должен...

– Я не знаю, кто ты такой.

– Бушак я. За этой хатой смотрю.

– От воров или от кого?

– От воров... А кто еще у нас есть? – нахмурился Бушак.

– Подлунный мир богат и разнообразен.

– Не знаю... У нас тут все строго... И не надо тут борзеть.

– Я не борзею.

– Знаю я вашего брата... По какому ходу ты заехал?

– По первому.

– По бандитскому ходу ты заехал, поэтому сиди и не высывайся, пока тебя не спросят, – распалился Бушак.

Прохор промолчал. Он, конечно, мог свернуть шею этому здоровяку, но без последствий это не останется. Если воры навалятся на него всей своей массой, ему точно несдобровать. Да и зачем ему враждовать с ними?

– Я не знаю, кем ты был на воле... Но если есть деньги... – в раздумье протянул Бушак.

Прохор продолжал молчать. Кулаки чесались невыносимо, но усилием воли удавалось сдерживать себя.

– Если есть деньги, это хорошо... Но не в деньгах счастье, да, пацан? – натянуто улыбнулся «смотрящий».

– Счастье в свободе.

– А ее нет.

– Поэтому помолчим.

– Значит, место тебе хорошее нужно, – в раздумье проговорил Бушак. – Если ты был в авторитете, то, конечно... Пацаны не поймут, если мы тебя тут на параше

оставим. Я правильно понимаю?

– Дело не в пацанах, дело во мне.

– Не дай себя «опустить», все правильно... Будет тебе место.

Бушак подозвал к себе Торчилу и велел ему освободить шконку какого-то Сазана. Прохор забрал свои вещи, перенес их на новое место – в дальнем от сортира ряду, посередине, в равной удаленности от окна и двери.

– Доволен? – спросил Бушак.

– Лишь бы не на ветру.

– Лавэ подгонят, рассчитаемся.

Прохор кивнул. Все в этом мире продается и покупается. Тем более что он сам предложил такой вариант.

– Место в блаткомитете я тебе не обещаю, – продолжал «смотрящий». – Но если вдруг пойдешь в «отрицалово», возражать не буду... Может, вместе будем здесь куковать, пока мужики вкалывают...

Прохор промолчал. Он не собирался опускаться на самое дно арестантской массы, но и на самый верх лагерной элиты не рвался. И воровской миссии за ним не было – не надо было ничего доказывать. Так что можно было и поработать.

– Что, страшно стало? – усмехнулся Бушак. – Это правильно. У нас тут с этим делом строго. Меня два года через матрас кидали, пока отстали...

Прохор знал, как тяжело достается право бить баклуши в рабочее время. «Отрицалов» маринуют в штрафных изоляторах годами. Пятнадцать суток отстоял, вернулся в барак, провел там ночь на мягком матрасе, а на следующий день снова в ШИЗО. И так раз за разом. Это и называлось «гонять через матрас». Далеко не каждый выдерживал такое испытание, поэтому в хате в рабочий час находился один только Бушак, остальные в промзоне – план дают. А завтра и Прохор подключится. Его в слесарный цех определили... Может, «бугром»

станет. Надо же к чему-то стремиться.

– Посмотрим, определимся.

– Посмотри, определись... – кивнул Бушак. – Порядки наши ты должен знать.

– Есть представление.

– Если накосячишь, ответишь, если все путем будет, живи, как человек. Трогать тебя никто не станет. У нас тут беспредела нет... Вопросы?

– Если появятся, спрошу.

– Тогда отдыхай. Пока можно.

Прохор поднялся и пошел к своей койке.

Вечером с работы привалила толпа. Молодые, в годах, старые, одни резвые, с амбициями, другие вялые, ко всему равнодушные. Но всех объединяла усталость от тяжелого рабочего дня. И все были раздражены, кто-то больше, кто-то меньше. А Сазан, худощавый парень с вытянутым вперед остроносом лицом, тот чуть не взорвался, узнав, куда его определили по воле «смотрящего». Но на Прохора наезжать не стал, только лишь бросил злой взгляд в его сторону.

– Значит, соседом будешь? – обращаясь к Прохору, спросил среднего роста худощавый мужичок.

Прохор кивнул.

– Суслик, – не подавая руки, представился Суслик.

– Кожух.

– С Бушаком вроде бы не блатуешь, а Сазана задвинул.

– Это не мое решение.

– Бушак так просто ничего не делает.

– Так просто ничего и не решается.

– Значит, договорился.

– Не твое дело! – резко бросил Прохор.

– Ну, не мое так не мое... Просто потом не говори...

– Что не говорить?

– Да ничего. – Суслик обиженно махнул рукой и, взяв полотенце, побрел к умывальнику.

Купчик не подвел, деньги пришли телеграфным переводом. Правда, с обналичкой возникли проблемы, пришлось откатить десять процентов, чтобы получить деньги на руки. Зато теперь ему было чем расплатиться с Бушаком.

Прохор нашел его в кочегарке, которая обогревала промзону. Как бы Бушак ни кичился своим особым положением, иногда начальству все же удавалось «выкуривать» его с хаты. Но работать его заставить все равно не могли.

– Зачем пришел? – спросил Бушак.

Он сидел за столом в темном углу кочегарки. Здесь был только один свет – от огня, пылающего в печи. Может, потому Бушак и казался чертом из ада. Рядом с ним сидели еще двое, из блатной элиты. Все они знали, зачем пришел Прохор. А как не знать, если его звали сюда для того, чтобы он расплатился по долгам.

– Ну, мы же договаривались. – Прохор достал из кармана конверт, сделанный из листка бумаги, положил на стол.

– Что это?

– Пятьдесят тысяч.

Прохор не оговаривал с Бушаком сумму, но уверен был, что этих денег хватит с избытком.

– Долларов?

– Ты же знаешь, что рублей.

– Мне нужны доллары, – качнул головой Бушак.

– Мы так не договаривались.

– Мы никак не договаривались. Ты назвал услугу, ты ее получил. Теперь я могу назвать цену. Миллион долларов.

В первый момент Прохор решил, что Бушак шутит, но тут же понял, что нет. Слишком уж серьезным было его лицо. А воры смотрели на Прохора сочувствующе. Но, вместе с тем, безжалостно. Никто не протянет ему руку помощи, все будут дружно его топить.

– Это развод. На лоха.

– Ты и есть лох, – ухмыльнулся Бушак.

– Так дела не делаются...

– Мы тебя не торопим. И на счетчик не ставим. У тебя есть целый месяц, чтобы решить вопрос с деньгами. Еще месяц на подгон... Через два месяца деньги должны быть здесь.

– Я даже не стану говорить, что у меня нет таких денег.

– Есть. Ты продал свой бизнес, деньги у жены. Свяжись с ней, скажи, пусть отправляет гонца.

Прохор скривил губы, прицельно глядя на Бушака. И откуда они знают про деньги, которые у жены? Уж не сама ли Инна заслала сюда пулю, чтобы Прохора поставили на развод. Денег она, конечно же, не даст, и тогда его убьют. Отличный ход. Только что-то не хотелось поздравлять Инну с успехом.

– Жена за меня не заплатит.

– Почему?

– Мы с ней разошлись, как в море корабли.

– Тогда ты лох вдвойне.

– Ты долго готовил эту фразу, – усмехнулся Прохор, – но сказал невпопад...

– Зато у тебя полный попад, – скривился «смотрящий».

– Нет у меня миллиона долларов. И не будет. Бери, сколько есть.

– Жадность фраера сгубила.

– Я все сказал.

Воры переглянулись, кто-то кому-то подал знак, и в кочегарку зашел качок с уродливой физиономией. Вслед за ним шел еще кто-то. Ловушка захлопнулась. Только хватит ли пружин, чтобы удержать жертву?

Прохор не стал ждать, когда «торпеды» набросятся на него, и первым рванул в атаку. Второй «бык» еще не втянулся в кочегарку, а Прохор уже ударил первого. Тот попытался закрыться и даже смог поставить блок. Но за Прохором был разгон, скорость, опыт и нестерпимая жажда выжить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/vladimir-kolychev/zhestokaya-krasotka>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)